А.Н. КУРЯЧИЙ

МОЯ КОЛЫМА

СТИХИ

МОСКВА

2015

МОЯ КОЛЫМА

Каменный Венец

Нас породнили сопки и тайга,
И Колымы свинцовый блеск текучий,
И солнце зимнее в разрывах хмурой тучи,
И общая до времени судьба.

И бухта – ближний выход в Океан,
И запах отдыхающего моря,
И наш любимый город Магадан –
Как сплав надежды, радости и горя.

И если нынче груз мирских забот
Мне давит на натруженные плечи,
Я вспоминаю тот далекий год,
Что положил начало нашим встречам.

Я выхожу на каменный причал,
Бросаю долу беды и напасти
И Каменный Венец – начало всех начал
Я принимаю, как Корону Счастья.

Москва и Магадан, и славный Петроград,
Чукотка, Колыма и Украина –
Вы все мои друзья, и я ваш верный брат
И присно, и от века, и поныне!

Январь, 1995

Возвращение в Магадан

Моим очень хорошим и милым друзьям в Магадане и в Оле

Да, этот город в душу впился,
мне навсегда,
И я вернулся и смирился,
как и тогда!

И как тогда – в далекой дали
прошедших лет –
Твоей судьбы, твоих печалей
дороже нет.

И также остро пахнет море –
любовь и страх,
И стынут северные зори
в твоих глазах.

И через годы от порога,
как в старину,
Бежит, зовет меня дорога
на Колыму.

И грустно знать, что в этот вечер
наш узок круг:
Иных уж нет, а те далече,
мой старый друг!

Но и теперь, как в наши годы,
в другом дому
Других зовет, манит дорога
на Колыму.

Магадан, июль 1978 г.

А. Жигулину

В лесных пожарах, в буднях и в дыму
Я повидал недавно Колыму,
И вновь я голову склонил пред ней
Которой нет дороже и родней.

Я побывал на руднике твоем,
Где сопки тесно сжали окоем,
Где из забытой штольни на песок
Стекает молча горестный поток,

Где по распадкам щедрой полосой
Брусника стынет алою росой,
И стланика корявые стволы
Укрыли плотно наготу скалы.

Я отыскал тот лагерный барак,
Где зимовал бурундучок–шустряк...
Заброшенный рудник Бутыгычаг
Угасшей жизни каменный очаг.

Таинственный серебряный рудник!
Кто хоть однажды в глубь твою проник,
Кто видел над обрывом у реки
Следы тяжелой рудничной кирки,
Кто в руки брал судьбы твоей гранит –
Тот сердцем навсегда тебя хранит.

Январь, 1980

Воспоминание о Магадане

Как ярко и теперь я вижу Магадан, –
Жемчужину у Северного моря,
И склоны дальних сопок, и туман,
Свинцовый блеск воды, скупые зори...

Но воздух Севера, как старое вино,
Сырой туман – что занавес на сцене:
Его разгонит ветер, и в окно
Ворвется солнца яркого поэма.

И засверкают россыпи домов,
А море красным золотом нальется,
И белый пароход в эскорте сейнеров
Домой из дальних плаваний вернется.

А люди – те уходят по велению сердец
Искать руду, водить в тайгу машины,
Мыть золото, и просто, наконец,
Уходят в жизнь суровые мужчины.

И там, где бешеный качается буран,
Где воет ветер в ярости и горе,
Им снится по ночам красавец Магадан,
Лежащий белой россыпью у моря.

Так подыми сверкающий хрусталь
Наполни терпкой влагою стаканы.
Наш тост за волю твердую, как сталь,
За красоту и нежность Магадана.

1975-1978гг.

Чайки над морем

Чайки кружились, метался прибой,
Солнце склонялось, звало за собой,
Но перед синим бездонным простором
Всё остальное казалося вздором.

Эта волна, что нас пеной накрыла,
Только вчера омывала Курилы,
Эти крикливые белые чайки
К нам прилетели с далёкой Камчатки.

Вот начинается время отлива –
Чёрные камни торчат сиротливо.
Разве не так в нашей жизни бывает,
Если друзья в дальний путь уплывают?

Скучным и тихим становится берег,
Слабые духом – тоскуют, не верят.
А белокрылые – словно смеются:
Знают, что волны обратно вернутся.

Я остаюсь в ожиданьи прилива.
Вот моё море мне ноги омыло,
Вот возвращаются волны на берег…
Счастлив, кто ждёт, не страшится и верит.

9.09.2006

По законам моря

У кромки прибоя,
Где носятся чайки,
Мы нашей палатки
Крепили расчалки.

И чуть в стороне,
Там, где сходятся скалы,
Мы жгли наш костёр.
Его пламя плясало.

Но ночь надвигалась,
И море вздыхало,
Костёр присмирел,
И огни угасали.

Мы тоже притихли,
Прижавшись друг к другу,
И мир сократился
До лунного круга.

А ночь коротка:
Просыпается море,
И рвутся в палатку
Накаты прибоя.

Мы крепко уснули
И, видно, забыли,
Что море живёт
По законам прилива.

Вот плещет волна-
И по отмели гладкой
Без спроса и смело
Заходит в палатку

Так жизнь протекает
У кромки прибоя,
Приливы, отливы,
Бескрайнее море.

* * *

23 декабря 2005 г.

Стрелка на трассе

На днях показали нам Стрелку
На трассе Герба – Омсукчан :
В разрухе – как выглядят мелко
Былые дела колымчан.

А помнишь, как в лютых морозах,
В жару – в беззакатные дни
Ползли на подъем длиновозы
И «Татры» неслися в пыли.

Кипела, ревела дорога,
Несла неподъемный свой крест.
Видала и знала так много
О всем, что творилось окрест.

За каждым ее поворотом,
За каждым распадком вдали
Немерянной нашей работы
Следы навсегда полегли.

Мы помним тебя, Синегорье,
Билибино, Атка, Дукат.
Наш путь начинался у моря,
И не было шага назад.

31.10. 2003 Г.

РОСЧЕРК В НЕБЕ

Перечеркнуто небо следами инверсий
Перечеркнуты судьбы следами дорог.
Для кого-то написано множество версий,
Ну, а кто-то и первый осилить не мог.

Я шагаю сквозь мглу по заснеженной трассе,
Фары встречных машин бьют нещадно в глаза.
Здесь в маршрут выпускают лишь проверенных ассов,
Здесь в крутом повороте не спасут тормоза.

Впереди перевал и прижим над обрывом,
А в долине мерцанье неверных огней.
Это город открылся в метельном разрыве,
Это точка на карте дороги моей.

Завтра в семь поутру отлетят самолеты,
Опустеет на время наш северный порт.
Я приду без билета проситься к пилотам,
Я не знаю, кто первым пропустит на борт.

Улечу в неизвестность внеплановым рейсом,
Без сомнений и страха шагну за порог.
Я оставлю на небе свой росчерк инверсий,
Раскрывая загадочность новых дорог.

март 2002 г.

По законам моря

У кромки прибоя,
Где носятся чайки,
Мы нашей палатки
Крепили расчалки.

И чуть в стороне,
Там, где сходятся скалы,
Мы жгли наш костёр.
Его пламя плясало.

Но ночь надвигалась,
И море вздыхало,
Костёр присмирел,
И огни угасали.

Мы тоже притихли,
Прижавшись друг к другу,
И мир сократился
До лунного круга.

А ночь коротка:
Просыпается море,
И рвутся в палатку
Накаты прибоя.

Мы крепко уснули
И, видно, забыли,
Что море живёт
По законам прилива.

Вот плещет волна-
И по отмели гладкой
Без спроса и смело
Заходит в палатку

* * *

Так жизнь протекает
У кромки прибоя,
Приливы, отливы,
Бескрайнее море.

23 декабря 2005 г.

ВЫСШАЯ ПРОБА

Мне девяносто лет,Но в списке этом длинном –
В нем есть года, которые обычаем старинным
До наших дней, когда придет пора,
Считают не подряд – считают год за два.

И как вести отсчет? С конца войны Гражданской,
Когда ребята с прытью хулиганской
Куски хватали из протянутой руки,
Хотя порой встречали кулаки.
Или с забытого обманчивого НЭПа,
Когда в обноски старые одеты

Толпились люди у сияющих витрин?
Но не для них открыт был магазин...

Нет. Я веду отсчет прожитых лет
С тех пор, когда блистательный корвет
С названьем броским , «Азия», по борту
Причалил к магаданскому «курорту».
И потекли тогда за днями дни
И позже в годы перешли они.

Я до сих лор считаем эти годы
Годами нашей самой высшей пробы,
И если бы не девяносто лет,
Я б вновь взошел на вышеназванный корвет.

Москва. 2012 г.

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ

Домик-корабль

Дом мой – корабль, что несется сквозь годы смятений.
Внуки – команда, и я, старый дед, – капитан.
Кончен отстой, и маршрут наш проложен весенний,
И предо мною зеленых лесов океан.

Яблоня выгнула свой бело-розовый парус,
Ветер колышет прозрачные лодки теплиц.
Нам, как награда в пути нашем трудном, досталось
Слышать шуршание трав и свободное пение птиц.

Я с капитанского мостика нашей мансарды
Вижу течение рек и движенье небесных светил,
И с темнотой ходовыми огнями веранды
Дом по соседству приветливо путь осветил.

В камбузе – кухне готовится ужин по мерке,
Склянки отбили в далеком совхозном дворе.
Вот наступает и время вечерней поверки –
Скоро команда ко сну отходить детворе.

Завтра войдем в незнакомые чистые воды,
Будем встречать непредсказуемость нового дня.
Будем без карт и компаса идти по природе –
Так нам дано и так спросится строго с меня.

25 ноября 1997

Слетает желтый лист...

Осенний лист лежит ковром,
И голые деревья,
И дышат стылым октябрем
Старинные поверья.
И зимних яблок аромат
Меня разбудит утром,
Когда соседних окон ряд
Играет перламутром.

Как далеко от этих мест
Суетные тревоги,
И как призывно манят лес
И дальние дороги.

Как хорошо в лесной тиши
Вне уличных событий
О нищете пустых дворов
И пустоте экранов...
О нищете пустых дворов
И пустоте экранов...

Крикливой жизни блеск и свист
До боли здесь несносен.
Лежит ковром осенний лист,

Крикливой жизни блеск и свист
До боли здесь несносен.
Лежит ковром осенний лист,
Не видеть сутолки машин
И блеска их покрытий,
Забыть о шуме городов,
Навязчивой рекламе,
О нищете пустых дворов
И пустоте экранов...

Крикливой жизни блеск и свист
До боли здесь несносен.
Лежит ковром осенний лист,
И плачут ветви сосен.

Октябрь 1997 г.

ЗИМА

На белом полотне снегов
Кладу столбцы стихотворений
В гордыне тщетного стремленья
Достичь святилища богов.

Но вот поземки тонкий свист
Сдувает записи несмело,
И снова вижу снежно-белый
Ничем не омраченный лист.

Я долго новый путь торил,
Впрягаясь в жесткие постромки,
Но ни огня, ни остановки
Уже не вижу впереди.

Ну что ж, не буду впредь грешить.
Вот только вешками обставлю
Ту часть дороги, что оставлю
Другим счастливцам завершить.

2007 г.

* * *

Не слышно дятла, спят березы,
Чуть стонет сломленная ель,
В лесу январская метель
Укрыла землю от мороза.

И только стая воронья
Картавый грай свой дарит ветру,
И той недоброю приметой
Пытается настичь меня.

* * *

Осенний снег

Вот первый снег укрыл осенние поля,
Зима не ждет и дышит на пороге.
Но не ушли с постов солдаты-тополя,
И зелень старых лип не меркнет у дороги.

Мы тоже бережно храним листву,
Увы, давно усыпанную снегом,
И невзначай вдруг замечаем на бегу,
Что нам уж поздно заниматься бегом.

Так станем с тополями в общий строй –
Им не страшна любая непогода.
Снег тишину приносит и покой
И возвращает в молодые годы.

Вот мы бредем заснеженной тропой
В неверном свете зимнего заката,
Но верим: светлый день придет когда-то
И принесет утерянный покой.

Мы выйдем за околицу села,
Вдохнем холодный воздух полной грудью.
Еще не все нам осень отдала,
И я еще не все поведал людям.

* *
*

Январь 1996

Предвесеннее

Ветер гонит поземку,
Качает березы
И из глаз выжимает
Холодные слезы.

А на гнездах грачиных
Словно белые шапки
Серебрятся пушистого
Снега охапки.

Ель застыла в раздумье:
Расправить ли плечи,
Или крепче укутаться
В шубу под вечер.

Но уже на поляне
Под голой рябиной
Слышен гомон, и спор,
И галдеж воробьиный.

Ясень, к небу закинув
Оголенные руки,
Ловит первой капели
Несмелые звуки.

И над черной скирдой
Прошлогодней соломы
Солнце бросило в воздух
Свой луч невесомый.

17 февраля 1979

Три цвета времени

Пишут стихи поэты,
пишут стихи любимым,
Пишут элегии, оды
и посвящают друзьям.
Мало кто пишет сонеты
женам до боли знакомым,
Привычно и незаметно
и нежно преданных нам.

А дни и годы проходят,
старимся мы с годами,
Дети и внуки взрослеют,
и старится наша любовь,
Но если взглянуть с надеждой
в глаза твои близко и прямо,
Все в них прочтешь, как прежде,
все повторится вновь.

Длинною чередою
небыли встанут и были
И со скупой палитры
только три краски возьмут –
Черною пеленою
затянут тревожную память
И отнятое войною
молча тебе вернут.

И рядом с женщиной в белом
белых напишут чаек,
Белую свежесть вьюги
закроют кипеньем садов,
Синее-синее море
всплеснут у кромки причала
И в синей дали горизонта
прочертят пунктир городов...

Молодость только начало.
Слово ее и дело
Мы вспоминаем порою,
и друзья вспоминают не раз.
Что ж, – седину замечая,
бывает, взгрустнем мы с тобою,
Но пусть не темнеет в печали
Просинь любимых глаз.

1981 г.

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Милым женщинам

Милым женщинам
северяночкам, Любушке

Как ярко красит Север милых дам,
Как ласково укутывает в шубы.
Я все прощу им, многое отдам,
Чтоб на морозе целовать их губы.

В тумане солнце. Тают в полумгле
Пришедшие из сказки силуэты.
Она мелькнула тенью по земле –
Была так близко, но ее уж нету.

Остался аромат ее духов,
Мгновенное ее очарованье,
Смятенье чувств, обман неверных снов,
Чарующих минут воспоминанье.

Осталось все... Меня давно там нет.
Но и в краю, где солнце ярко светит,
Я вспоминаю милый силуэт
И жарких губ неповторимый трепет.

Я повторю свой прерванный полет,
Вернусь туда, где сердцу было любо.
Я поверну на Север самолет
В надежде встретить ласковые губы.

Мирный, Якутия
8 апреля 2000 года

Гитара

Памяти
Владимира Высоцкого

Он ласкает ее беспокойно и властно
И тревожит ее обнаженные нервы,
И в ответ она стонет и нежно и страстно,
Повторяя: «Ты мой, мой последний и первый».

Он присел, и крутые округлые бедра
Опустились покорно ему на колени.
Он уверен в себе. Им усвоены твердо
Переборы любви и аккорд вдохновенья.

Скромный бант чуть прикрыл ее тонкую шею
И трепещет под натиском звонов и звуков,
Но послушно ложится, несмело алея,
Когда он опускает уставшую руку.

Вот блестяще он кончил огневой эскападой,
Руки – птицы в широком поклоне раскинув,
А она бездыханно легла на эстраду,
Чтобы позже ожить под рукой властелина.

Покорись и не думай. Мелодии эти
Ты рождаешь лишь с ним, лишь ему повторяешь,
И когда ты проснешься в безумном концерте,
Вновь в объятьях желанных себя потеряешь.

25–31 июля 2002 года

Осень

Ларочке – с благодарностью
за такую трогательную идею

Осень – это женщина в обмане:
Друг не позовет и не приходит,
А она все бродит, как в тумане
И себе покоя не находит.

Сбросила одежду желтых листьев
В предвкушеньи долгожданной встречи,
Кутает ветвей сухие кисти,
Зябнет в непогожий этот вечер.

День прошел, и сахар первых льдинок
Покрывает дальние озера.
Осень стонет криком журавлиным,
Зная, что весна придет не скоро.

Вот и ветры зимние задули.
Кто тебя согреет долгой ночью?
Видно, ожиданья обманули,
Зря, ты осень, выплакала очи.

Осень приоделась к новой встрече,
Не снимает пышные уборы.
Подойди к ней, обними за плечи,
Утешай негромким разговором.

Осень – это женщина в тумане.
Боже мой, как нужно ей немного!
Помоги ей выйти из обмана,
Выведи на твердую дорогу.

Верь – она ответит доброй лаской,
Примет в свои теплые объятья.
Осень – золотая наша сказка,
Верность без упрека и изъятья.

28–29 сентября 2000 г.

Тюльпаны

Тюльпаны, стройные тюльпаны –
Бокалы красного вина.
Кто вас расставил на поляне,
Кому такая честь дана?

Пусть жизнь цветка недолговечна.
Но, словно след сердечных ран,
Нам открывается навстречу
Огнем пронизанный тюльпан.

Склонись и ты к волшебной чаше,
Прими бесхитростный привет
Прекрасной молодости нашей
И первых поцелуев след.

Как губы женщины желанной,
Чарует и манит к себе
Цветок раскрытого тюльпана
На зеленеющей траве

Когда ж минет пора цветенья,
Когда зимой крутит буран,
Я вспоминаю сад весенний
И гордый огненный тюльпан.

Останься, друг. Прощаться рано.
Поверь мне – истина одна
И в дивном волшебстве тюльпанов
И в чаше терпкого вина.

Но если ты уйдешь нежданно,
Я слов ненужных не скажу –
Букет пылающих тюльпанов
К застолью молча положу.

14 мая 2002 г.

Белый танец

В Французском ресторане,
Где балом правит джаз,
В густом людском тумане
Я увидала Вас.

Я руку положила
Вам молча на плечо
И что-то прошептала
На ухо горячо.

Ах, что-то в Вас меня обворожило,
И настоящее растаяло, как дым.
Как жаль, что прошлое мы порознь пережили,
Как жаль, что Вас я встретила седым.

Звенит хрусталь бокалов,
Вино снимает грусть,
И Ваших глаз усталых
Губами я коснусь.

И Вы в немом порыве
Склонились предо мной,
Изысканно-учтивый
Мой юноша седой.

Ах, что-то в Вас меня обворожило,
И настоящее растаяло, как дым.
Как жаль, что прошлое мы порознь пережили,
Как жаль, что Вас я встретила седым.

И в этом танце белом,
О, мой надежный друг,
Уверенно и смело
Мы с Вами выйдем в круг.

Пусть коротко мгновенье,
И продолженья нет.
Не нужно объясненья –
В руке моей ответ.

26 января 2003 года

Белый танец – 2

Слегка плеча его коснусь
Перчаткой алой,
Прочту нечаянную грусть
В глазах усталых.

И уведу его с собой
Призывным взглядом,
И вспыхнет трепетный огонь
Со мною рядом.

И убеленный сединой,
Улыбку пряча,
Пойдет уверенно за мной
В своей удаче.

Так в долгом плаванье моряк
В слепом обмане
С надеждой правит на маяк
В густом тумане.

Пусть вспышка света коротка –
Он смотрит гордо.
Его плечо моя рука
Сжимает твердо.

Поет протяжно саксофон,
Рыдает скрипка,
И он ответно награжден
Моей улыбкой.

И в звуках музыки святой
Вино в бокале
Я протяну ему рукой
В перчатке алой.

26 января 2003 г.

Юность

Я тебя обнимал, как Есенин берёзку,
Я безумно искал жаркий вкус твоих губ,
Я пьянел без вина и сгорал на морозе.
Я ответа желал – я был нежен и груб.

Помню пасмурный день и холодное небо,
Помню искры твоих чуть насмешливых глаз.
Никогда до того я таким ещё не был,
Так судьба никогда не сведёт больше нас.

Почему же тот день так запал в мою душу,
Почему ты мне грезишься в искристой мгле?
Эту тайну я сам никогда не нарушу
И нарушить её не позволю тебе…

23 марта 2004 г.

Дирекции Магаданской областной
научной библиотеки

Настоящим подтверждаю согласие на использование направленного в Ваш адрес сборника моих стихов « Моя Колыма» по Вашему усмотрению : читальный зал, отсылка в районные библиотеки, размножение (если найдете заслуживающим) и другое. Прошу при этом соблюдать условие : указание моего авторства, или ссылка на автора.

Я, в свою очередь, сообщаю, что в представленном сборнике отсутствуют плагиат или заимствования .

Курячий Алексей Николаевич

Паспорт 45 01 № 877 427
выдан П/С №2 ОВД «Ясенево», Москва

Составлено 12 ноября 2015 г. ,
подтверждается моим E-mail : **kural_79mail.ru**